
Политика белогвардейцев в Дагестане в 1919 — начале 1920 г.

Сергей Орешин

The policy of the White Guard in Dagestan during 1919 — early 1920

Sergey Oreshin

(N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870013446-1

Гражданская война в России, последовавшая за революцией 1917 г., стала одним из переломных событий в истории страны, оказавшим большое влияние на её дальнейшее развитие. Особое своеобразие война приобрела на национальных окраинах бывшей Российской империи, отличавшихся сложным этническим и конфессиональным составом населения, в частности в Дагестанской обл. Обострение политической борьбы, последовавшей вслед за распадом старой имперской системы управления, привело к частой насильственной смене власти в регионе в 1917—1918 гг.

В начале 1919 г. территорию Дагестана контролировало утвердившееся там в ноябре 1918 г. с помощью турецких интервентов правительство самопровозглашённой Республики Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана (Горской Республики). В феврале 1919 г. значительная часть Северного Кавказа перешла под контроль белогвардейских Вооружённых сил Юга России (ВСЮР) во главе с генерал-лейтенантом А.И. Деникиным. Он отказался признавать независимость Горской Республики, намереваясь интегрировать Дагестан в состав «единой и неделимой России».

Несмотря на то что историография Гражданской войны в Дагестане весьма обширна, период пребывания региона в составе «белой России» не получил должного освещения. Политика белогвардейцев рассматривалась в основном в русле политической борьбы в крае в годы революции и Гражданской войны, при этом особое внимание уделялось военным действиям в ходе антибелогвардейских вооружённых восстаний, а также национальным движениям горских народов. Советская историография изображала политику белых в Дагестане в крайне негативном виде, рассматривая её в качестве великодержавной, реакционной военной диктатуры, стремившейся восстановить дореволюционные порядки. Белогвардейцы представлялись жестокими угнетателями и шовинистами, подчёркивались отсутствие у них массовой социальной базы и опора исключительно на вооружённую силу. Подобная точка зрения во многом характерна и для современных дагестанских исследователей. Некоторые российские историки пытаются пересмотреть устоявшиеся в историографии подходы и показать, что деникинский режим не был копией царского, а пытался учитывать произошедшие после 1917 г. изменения в стране и действовать в новых

реалиях, например, старался наладить взаимодействие с дагестанскими элитами и привлечь их на свою сторону.

Не претендуя на всестороннее освещение темы, данная статья посвящена анализу политики белогвардейского руководства на территории Дагестанской обл. в период её нахождения под полным или частичным контролем ВСЮР (май 1919 г. — март 1920 г.). Особенно важно проследить процесс установления и формирования аппарата управления «белой власти», выявить основные методы, использовавшиеся ею для достижения цели; понять суть белогвардейской модели государственного устройства края и её отличия от дореволюционной; охарактеризовать социальную базу местного режима; обозначить трудности, с которыми столкнулось командование ВСЮР; проанализировать причины краха политики белых в Дагестане.

Исследование основано на следующих материалах: законодательные акты, приказы, распоряжения, манифесты, воззвания и обращения белогвардейского командования и местных органов власти к населению с разъяснением своей политики; сводки и донесения отдела пропаганды Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР; рапорты, донесения действовавших в Дагестане командиров военных отрядов; данные агентурной разведки; публицистические и аналитические статьи дагестанской периодической печати.

Как только переговоры с представителями горского правительства зашли в тупик, генерал Деникин во второй половине апреля 1919 г. стал склоняться к силовому решению «дагестанского вопроса». По донесениям деникинской разведки, горское правительство не пользовалось популярностью среди местных жителей¹. «Вообще уставшее население склонно к мирным занятиям»², — отмечалось в сводке отдела пропаганды Особого совещания от 7 мая 1919 г. Дипломатический представитель Азербайджанской Демократической Республики в Дагестане свидетельствовал, что в создавшейся ситуации среди части политической и экономической элиты усиливались симпатии к Деникину: в нём видели единственную реальную силу, способную стабилизировать положение и не допустить социального взрыва в регионе. В то же время большевистски настроенные городские низы ожидали десанта из контролировавшейся красными Астрахани, чтобы поднять вооружённое восстание; обыватели же боялись погромов и грабежей и готовы были приветствовать любую «твёрдую» власть³.

Понимая, что горское правительство не в состоянии стабилизировать ситуацию, опасаясь перехода Дагестана под контроль большевиков, командование ВСЮР решило провести военную операцию по занятию территории региона. Тем более что командование 11-й армии РККА в конце апреля — начале мая заканчивало приготовления к высадке десанта в Приморском Дагестане, который, по мысли красного командования, должен был стать плацдармом для последующего наступления на Грозный. Слабая армия Горской Республики могла не отразить натиска советских войск, и был риск утратить важный в стратегическом отношении край, поэтому Деникин в середине мая отдал

¹ Центральный государственный архив Республики Северная Осетия — Алания, ф. 2с/Р-2, д. 4, л. 70.

² Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (далее — Рукописный фонд), ф. 2, оп. 1, д. 151, л. 116.

³ *Кашкаев Б.О., Эмиров Н.П., Гаджиев А.С., Аликберов Г.А.* Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане. Махачкала, 1960. С. 320.

приказ о начале наступления. Не встречая какого-либо сопротивления, части белых под командованием генерал-майора Д.П. Драценко к 22 мая заняли приморские города и всё Каспийское побережье Дагестанской обл.⁴ Белогвардейское командование заявило, что не признаёт горского правительства и вести с ним переговоры не намерено, однако готово признать собственно дагестанское правительство и договариваться с ним о разграничении полномочий.

23 мая горское правительство ушло в отставку, передав полномочия временному правительству Дагестана во главе с генерал-майором М.М. Халиловым⁵. Последний заявил о готовности признать верховную власть Деникина и вступить в переговоры с командованием ВСЮР о политическом устройстве области. 3 июня в её столицу Темир-Хан-Шуру прибыл генерал от кавалерии И.Г. Эрдели, назначенный Деникиным главноначальствующим Терско-Дагестанского края. Выступая перед представителями местной элиты, генерал заявил, что независимости Дагестана власти «белой России» никогда не признают, но при условии совместной борьбы с большевизмом они готовы предоставить краю широкую автономию и гарантировать невмешательство в его внутренние дела⁶. Генерал Халилов и члены его правительства выразили готовность признать верховную власть командования ВСЮР вплоть до созыва Учредительного собрания.

Вскоре Эрдели обратился с воззванием к дагестанскому народу, в котором изложил политическую программу белогвардейского руководства и представил утверждённую Деникиным схему организации власти в Дагестане. Высшая власть вручалась его правителю, избиравшемуся общенародным съездом с ведома главноначальствующего и утверждавшемуся Главкомом ВСЮР. Правителем мог стать местный уроженец исключительно горского происхождения, имевший офицерское или генеральское звание. Он должен был командовать сформированными из горцев местными вооружёнными силами, становившимися частью ВСЮР. Предполагалось, что при правителе будут находиться помощники по военной и гражданской части, а также Совет в составе представителей округов.

Предметы ведения общенародного съезда должны были определяться правителем, делегаты — избираться из расчёта один человек на 20 тыс. жителей обоего пола; при этом один делегат представлял Темир-Хан-Шуру и четверо — Порт-Петровск и Дербент. В округах под руководством назначаемых правителем окружных начальников и их помощников следовало регулярно проводить народные съезды, делегатов на которые должны были избирать аульные сходы из расчёта один человек на 1 500 жителей обоего пола. Съезды избирали постоянный исполнительный орган — окружную народную управу и общественных должностных лиц; заведовали имуществом округа, составляли сметы доходов и расходов; в их ведении находились также просвещение, здравоохранение, социальное призрение, продовольственное и ветеринарное дела; возведение общественных построек и устройство местных путей сообщения; раскладка налогов и введение местных сборов на народные нужды; они имели право возбуждать ходатайства перед вышестоящими властями.

⁴ Аликберов Г.А. Победа социалистической революции в Дагестане. Махачкала, 1968. С. 217.

⁵ Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее — ЦГА РД), ф. Р-621, оп. 1, д. 33, л. 1.

⁶ Там же, ф. Р-267, оп. 1, д. 13, л. 9.

Что касается судебной системы, то сохранялись бывшие народные словесные суды, однако при желании горцы могли через свои представительные органы выработать новое положение о судах. Для членов Совета при главноначальствующем, правителя, начальников округов и их помощников предполагалось жалование из государственной казны, а для делегатов съездов, членов народных управ и служащих местного самоуправления — содержание из средств местного бюджета⁷.

Таким образом, Дагестан, возвращаясь в состав России, обретал широкую автономию, включая право избрания высших должностных лиц и создания собственных вооружённых сил. Временным правителем Дагестана утверждался генерал Халилов. 15 июня он обратился с воззванием к населению области, в котором гарантировал невмешательство белых в её внутренние дела — шариатские, экономические, налоговые, земельные. «Дагестану представляется ввести давно желательный всему народу шариат и устроить свою внутреннюю жизнь так, как он сам этого желает», — подчёркивал Халилов. Он призвал дагестанцев до созыва Всероссийского Учредительного собрания признать верховную власть Добровольческой армии и тем самым избежать напрасного кровопролития, гарантируя, что ни «религии мусульманской, ни введению шариата, ни свободному на автономных началах развитию дагестанского народа» никаких помех чиниться не будет, и о реставрации дореволюционных порядков не может быть и речи. На 13 июля намечалось проведение Вседагестанского съезда народных представителей в Темир-Хан-Шуре. Съезд должен был избрать постоянного правителя Дагестанской обл., окончательно определить конструкцию органов управления и выработать соглашение с прибывшими представителями командования ВСЮР. Халилов призвал местных жителей «идти рука об руку с добровольцами и помогать им морально и материально для борьбы с общим бичом — большевизмом», при этом гарантируя, что все большевики, отказавшиеся от борьбы, будут амнистированы⁸.

Одновременно началось формирование органов управления на местах. Начальниками округов и участков назначались представители горских народов: почти все — офицеры императорской армии, в редких случаях — гражданские чиновники⁹. При правителе Дагестана был сформирован главный военно-шариатский суд (председатель — полковник О. Пиралов), который рассматривал особо важные «политические» дела¹⁰. При формировании местной администрации учитывались семейные и родовые связи, нередко на все соответствующие должности в аулах назначались представители одного влиятельного в данной местности рода. Впрочем, вскоре выяснились и минусы подобного подхода. Политическая канцелярия Особого совещания отмечала, что «родственные связи и боязнь кровной мести по обычаю, строго соблюдаемым туземцами, делают дагестанца плохим администратором, связывая его по рукам и ногам». В результате много уголовных преступлений оставались нераскрытыми, так как местные власти зачастую покрывали находившихся с ними в родстве преступников, или же из-за опасности кровной мести. «Среди самих туземцев раздаются голоса, — отмечалось в докладе, — что пока административная власть будет принадлежать им, трудно ожидать порядка и правильной

⁷ Рукописный фонд, ф. 2, оп. 1, д. 58, л. 37—38.

⁸ Вестник Дагестана. 1919. № 5. 15 июня.

⁹ Там же. № 4. 12 июня.

¹⁰ Молот. 1919. № 5. 15 июля.

жизни в крае. По их мнению, необходимо, чтобы административные должности замещались русскими»¹¹.

В городах в качестве наиболее преданных союзников белых рассматривались конституционные демократы. Делались попытки наладить взаимодействие с умеренными социалистами. Порт-петровские социалисты-революционеры вынесли на общем собрании решение о безусловной поддержке «Добровольческой армии в её вооружённой борьбе с большевизмом»¹². РКП(б) объявили вне закона, на большевистскую пропаганду наложили запрет; профсоюзы, в которых было сильным влияние большевиков, распустили. Тех, кто укрывал большевиков, заключали в тюрьмы, а с аула взыскивали пеню — 10 тыс. руб. за каждого коммуниста.

Большое внимание уделялось агитационно-пропагандистской работе среди населения и привлечению на сторону Белого движения людей, пользовавшихся уважением в местном обществе. В Дербенте был открыт пункт Кавказского отделения пропаганды при главнокомандующем ВСЮР¹³, к работе в котором привлекали представителей мусульманского духовенства и офицерства. Выпускались газеты и листовки, издавались манифесты, воззвания и обращения к народу. В них резко критиковались большевики и обвинялись в разжигании кровопролитной междоусобной войны. Деятельность же белогвардейцев, напротив, преподносилась в апологетическом свете, подчёркивалась мощь ВСЮР, выражалась уверенность в скором победоносном завершении Гражданской войны.

Шейх-уль-ислам А.-Б.-Х. Мустафаев в обращениях к дагестанцам называл Деникина «посланником Аллаха, которому Он поручил навести порядок в стране», и внушал мусульманам, что война против белогвардейцев «является грешным и Богом запрещённым делом»¹⁴. От имени представителей дагестанского духовенства было подготовлено специальное обращение к мусульманам, в котором указывалось, что учение большевиков противно шариату, а сами они как враги всякой религии «особенно вредны для мусульман». Последние должны были, напротив, поддерживать Верховного правителя адмирала А.В. Колчака и генерала А.И. Деникина: «Надо принять участие в дружной работе над восстановлением Великой России, выставить войсковые части против не признающих Бога и человеческих законов большевиков»¹⁵.

Активную агитационно-пропагандистскую работу проводил и правитель Дагестана Халилов. 20 июля в Порт-Петровске на предвыборном заседании представителей местных округов, участков и городов Халилов убеждал делегатов, что белые вовсе не желают покорить Дагестан и не посягают на его внутреннее самоуправление. Они прибыли, считал правитель, исключительно с целью «установить порядок, уничтожить анархию и восстановить разрушенное государство»¹⁶.

¹¹ Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1919 год: формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. М., 2009. С. 187.

¹² Кашкаев Б.О., Эмиров Н.П., Гаджиев А.С., Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 338.

¹³ Вестник Дагестана. 1919. № 10. 23 августа.

¹⁴ Кашкаев Б.О., Эмиров Н.П., Гаджиев А.С., Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 352.

¹⁵ Союз объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917—1918 гг.) и Горская Республика (1918—1920 гг.) (Документы и материалы). Изд. 2, испр. и доп. / Сост. Г.И. Какагасанов, Л.Г. Каймарзова. Махачкала, 2013. № 255. С. 242.

¹⁶ Там же. № 220. С. 215—216.

Однако одними воззваниями завоевать симпатии масс оказалось невозможно. Горцы оценивали новую власть исходя из принимавшихся и проводившихся ею в жизнь конкретных шагов и решений. Землевладельцы и фабриканты стали обращаться к властям с просьбой вернуть им национализированные в 1918 г. земли, рыбные промыслы, промышленные и торговые предприятия, а также помочь взыскать убытки, которые они претерпели за время нахождения у власти большевиков¹⁷. Белые встали на сторону зажиточных классов. 12 июня Халилов предписал сельским обществам немедленно вернуть все насильственно захваченные земли «законным владельцам». Летом—осенью 1919 г. были приняты решения о возвращении помещикам конфискованных у них пахотных угодий, пастбищ, лугов, сельскохозяйственного инвентаря и о выплате денежных компенсаций, иногда достигавших значительных сумм¹⁸. Также ввели запрет на самовольные порубки в казённых лесах¹⁹ и высокие штрафы за самовольный захват частных и казённых земель.

Нуждаясь в материальных средствах для обеспечения войск, генерал Эрдели издал приказ, в котором констатировалось, что Добровольческая армия нуждается в белье, тёплой одежде и обуви, поэтому местное население обязано предоставить по развёрстке необходимые вещи специально назначаемым командам сборщиков²⁰. Однако зачастую белогвардейские солдаты и казаки самовольно реквизировали у местных жителей продовольствие, скот, деньги, проводили самочинные обыски в домах и на железнодорожных станциях, отбирая у пассажиров продукты, одежду и ценные вещи. С течением времени волна злоупотреблений нарастала. По словам современника, солдаты «грабили и отбирали всё, что нравилось, сбивали с мужчин папахи, срывали с женщин платки, кольца, браслеты, серьги, ожерелья»²¹. Полученная «добыча» реализовывалась на городских базарах. Начальник порт-петровского отряда генерал-майор Попов докладывал, что практически каждый день к нему поступали жалобы и заявления «об учинённых казаками насилиях и грабежах»²², однако белогвардейское командование не смогло дисциплинировать свои войска и пресечь эксцессы.

Нуждаясь в пополнении личного состава для готовившегося похода на Москву, белогвардейское командование решило провести мобилизации в Дагестане. Отмечу, что до революции горцы были освобождены от отбывания воинской повинности, заменённой для них особым налогом, и в царской армии служили только добровольцы. Тем не менее по приказу следовало в месячный срок мобилизовать два кавалерийских полка и четыре стрелковых батальона для последующей отправки на фронт²³. Известие о мобилизации население встретило без энтузиазма, и на призывные пункты добровольно явились немногие. Тогда белые организовали настоящие облавы на мужчин призывного возраста. В этом заключалась роковая ошибка белогвардейских властей, поскольку ещё со вре-

¹⁷ ЦГА РД, ф. 594, оп. 1, д. 20, л. 15.

¹⁸ Там же, л. 34.

¹⁹ Там же, л. 48—49.

²⁰ Там же, ф. Р-175, оп. 4, д. 20, л. 5.

²¹ Вестник Дагестана. 1919. № 21. 18 октября.

²² ЦГА РД, ф. 177, оп. 1, д. 9, л. 33.

²³ *Taxo-Godi A.* Революция и контрреволюция в Дагестане. Изд. 2. Махачкала, 1927. С. 116—117.

мён «борьбы за независимость горцы именно в солдатчине видели первый шаг к обрусению»²⁴.

Конечно, подобные акции не прибавляли популярности новой власти, а дискредитировали её в глазах населения, чем воспользовались противники белых. Во главе сопротивления встала часть мусульманского духовенства во главе с влиятельным шейхом Али-Хаджи Акушинским²⁵. В середине июля 1919 г. повстанческие отряды начали наступление на Темир-Хан-Шуру, но к концу месяца после упорных боёв были разбиты²⁶. На участвовавшие в восстании аулы наложили большую контрибуцию — денежную и продовольственную. В уклонявшиеся от выполнения требований селения вызывали войска «на экзекуцию для понуждения», причём за всё время пребывания солдаты получали содержание за счёт аульного общества, что приводило к многочисленным злоупотреблениям²⁷. Однако белогвардейское руководство, словно не замечая этого, приняло новые непопулярные решения. 17 августа Халилов издал приказ о проведении массовой мобилизации в ряды ВСЮР, распространявшейся на мужчин в возрасте 19—40 лет. Планировалось единовременно призвать в армию около 8—9 тыс. человек. За уклонение от призыва правитель угрожал суровыми наказаниями «по законам военного времени, вплоть до смертной казни»²⁸. Для претворения угрозы в жизнь учреждались военно-полевые суды.

Недовольство горцев росло и к концу августа достигло критической точки. Естественно, этим пользовались различные политические силы, находившиеся в оппозиции к белым: большевики; национал-демократы, мечтавшие о возрождении независимой Горской Республики; пантюркисты, стремившиеся включить регион в сферу влияния Турции; радикальные исламисты, выступавшие за создание на Кавказе теократической мусульманской монархии. Оппозиция получала поддержку со стороны РСФСР, заинтересованной в развале деникинского тыла, а также правительств Азербайджана и Грузии, которые рассчитывали на возникновение буферного государства, отделявшего их территорию от России. В Нагорный Дагестан перебрасывали агитаторов, военных специалистов, завозили оружие и боеприпасы, выделяли значительные финансовые средства²⁹. Деникинский официоз «Терско-Дагестанский вестник» впоследствии отмечал, что «кажущееся спокойствие в Дагестанской области обманчиво и оказалось тишью перед бурей. Население было наэлектризовано и ожидало лишь толчка»³⁰.

Что же могли противопоставить оппозиции белые? Была ли у них в области массовая социальная база? На стороне Деникина активно выступали помещики, беки, офицерство и небольшая часть мусульманского духовенства. Интеллигенция и средние городские слои держались пассивно. Зажиточные крестьяне, опасаясь за своё имущество, до последнего склонны были мириться с властью белых, но непомерные реквизиции и приказ о всеобщей мобилиза-

²⁴ Магомедов М.А. О некоторых особенностях Октябрьской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе // Отечественная история. 1997. № 6. С. 86.

²⁵ Сулаев И.Х. Мусульманское духовенство Дагестана и светская власть: борьба и сотрудничество (1917—1921 гг.). Махачкала, 2004. С. 68.

²⁶ Кашкаев Б.О. Гражданская война в Дагестане. 1918—1920 гг. М., 1976. С. 225.

²⁷ ЦГА РД, ф. 594, оп. 1, д. 3, л. 33.

²⁸ Там же, д. 275, л. 204.

²⁹ Лобанов В.Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны. Религиозное, идеологическое и военно-политическое противостояние в 1917—1920-х годах. СПб., 2017. С. 445.

³⁰ Терско-Дагестанский вестник. 1919. № 181. 30 октября.

ции толкнули их в лагерь оппозиции. Что же касается горской бедноты, мало- и безземельных крестьян, то они готовы были взяться за оружие и сражаться с белыми «до последней капли крови»³¹.

Так же стремились сражаться и белогвардейцы. Генерал Эрдели докладывал, что в Дагестане «низы общества настроены крайне большевистски... Настроение рабочих вообще советское, последние ежеминутно ждут прихода советских войск»³². Как вскоре выяснилось, белые не могли полностью рассчитывать и на местную администрацию. Многие чиновники саботировали приказы областных властей, лишь формально противодействовали оппозиционной пропаганде, игнорировали приказы об арестах и разоружении «неблагонадёжных» лиц, а некоторые использовали своё служебное положение для того, чтобы помочь оппозиционерам подготовить вооружённое восстание.

В создавшейся ситуации главноначальствующий счёл необходимым скорректировать проводившуюся политику с целью достижения компромисса. Однако Деникин полагал, что белая администрация и так пошла горцам навстречу, сделав максимум возможных уступок, — дальше дипломатия сменилась бы капитулянтством и предательством интересов России³³.

В конце августа в Горном Дагестане вспыхнуло новое восстание, охватившее вскоре почти всю область. К началу октября численность повстанцев составила 7 тыс. человек, на вооружении которых находились 32 пулемёта и 17 орудий³⁴. Под контролем белогвардейцев оставались только города, узкая полоса приморья и аулы, расположенные вдоль железной дороги. В разгар наступления на Москву белым пришлось снимать с фронта пехотные и кавалерийские части и направлять их в Дагестан. К концу ноября после тяжёлых и кровопролитных боёв белогвардейцы смогли стабилизировать фронт, однако подавить восстание им не удалось, и большая часть территории области вышла из-под их контроля.

Белые пытались вести контрпропаганду, опираясь на сохранивших им лояльность представителей мусульманского духовенства и богословов (например, Н. Гоцинского), формировали из самих горцев контрпартизанские части и отряды внутренней стражи, наиболее активно действовавшие в Аварском и Андийском округах, где их возглавлял полковник К. Алиханов. Однако большого успеха им добиться не удалось. К концу 1919 г. большая часть членов Главного шариатского и духовного управления мусульман Дагестана вышла из него в знак протеста против карательных акций белогвардейских частей³⁵. Войска Халилова так и не смогли стать серьёзной силой, способной бороться с повстанцами, в их рядах стремительно росло дезертирство, и к началу 1920 г. они фактически утратили боеспособность.

Белогвардейское командование постепенно пришло к пониманию необходимости изменения политики, отказа от силовых акций и перехода к переговорам с лидерами восставших. Первые такие попытки были предприняты ещё в сентябре—октябре 1919 г. через шейх-уль-ислама А.-Б.-Х. Мустафаева, однако руководители восстания отказались от компромисса, настаивая на не-

³¹ Кашкаев Б.О., Эмиров Н.П., Гаджиев А.С., Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 389.

³² ЦГА РД, ф. Р-175, оп. 3, д. 52, л. 10.

³³ Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина: весна 1918 — весна 1920 г. СПб., 2012. С. 149.

³⁴ ГА РФ, ф. Р-446, оп. 2, д. 645, л. 296.

³⁵ Сулаев И.Х. Мусульманское духовенство Дагестана... С. 72.

медленном выводе всех подразделений ВСЮР из Дагестана и демобилизации призванных в армию горцев³⁶.

Халилов и Эрдели тоже попытались созвать Вседагестанский съезд народных представителей, который должен был легитимировать их власть. Они выпустили воззвание к местному населению, в котором гарантировали горцам свободу, а мусульманскому духовенству сохранение привилегий; обещали ограничить размер взимаемых с крестьян натуральных поставок и даже направить нуждавшимся жителям горных районов продовольствие; давали разрешение на формирование национальных демократических организаций. Однако провести съезд так и не удалось, потому что значительную часть области уже контролировали восставшие³⁷.

В начале 1920 г. ситуация изменилась. Совет обороны Дагестана отмечал, что повстанцы испытывают недостаток пищи и тёплой одежды, а суровая зима привела к тому, что полураздетые и плохо вооружённые бойцы покинули фронт³⁸. Кроме того, в лагере оппозиции усилились разногласия между исламистами и пантюристами, с одной стороны, и большевиками — с другой. Перед белогвардейскими властями замаячила надежда на раскол антиденикинского фронта и изоляцию коммунистов, настроенных наиболее враждебно. Мирные инициативы озвучивались через генерала Халилова, который, по всей видимости, был не прочь начать собственную игру. Сделав в мае 1919 г. ставку на союз с Деникиным, правитель понимал, что шансы на победу белых таяли с каждым месяцем. В конце декабря 1919 г. Али-Хаджи направил в Темир-Хан-Шуру к Халилову одного из своих доверенных духовных лиц — Узунай-Хаджи Паравульского — с письмом, в котором выражалась готовность заключить мирное соглашение при условии гарантии неприкосновенности религии и шариата.

21 января в аул Нижний Дженгутай на переговоры направилась правительственная делегация во главе с помощником правителя области генералом Ибрагимовым в составе дагестанских офицеров и духовных лиц. Однако на заседании Совета обороны Дагестана большевики смогли заблокировать идею переговоров с Халиловым, в результате 22 января мирная делегация вернулась в Темир-Хан-Шуру, оставив письмо на имя Али-Хаджи. В послании делегаты призвали шейха начать мирные переговоры, убеждая его, что белые — «противники напрасного пролития крови» и готовы к компромиссу на взаимовыгодных условиях, а сторонниками войны являлись коммунисты³⁹.

В феврале 1920 г. Али-Хаджи, чьи отношения с большевиками серьёзно испортились, вновь попытался начать с Халиловым переговоры о прекращении войны и заключении мирного договора. Белые с радостью откликнулись на предложение шейха и готовы были послать новую мирную делегацию, но коммунистам вновь удалось сорвать соглашение. Совет обороны Дагестана большинством голосов запретил кому бы то ни было вступать в переговоры и подписывать соглашение с белогвардейцами⁴⁰.

К весне положение белых стало критическим. К границам Дагестана приближались подразделения РККА, деникинские войска потеряли несколько

³⁶ ЦГА РД, ф. Р-608, оп. 1, д. 12, л. 10.

³⁷ Лобанов В.Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны... С. 438.

³⁸ ЦГА РД, ф. 8-п, оп. 3, д. 241, л. 175.

³⁹ Эмиров Н.П. Из истории военной интервенции и гражданской войны в Дагестане. Махачкала, 1972. С. 164.

⁴⁰ Кашкаев Б.О., Эмиров Н.П., Гаджиев А.С., Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 446.

крупных поражений. В начале марта генерал Эрдели начал переговоры с лидерами национал-демократов, надеясь заключить с ними союз против большевиков. 9—11 марта во Владикавказе состоялось совещание, в котором участвовали бывшие министры Горской Республики. Было принято решение о провозглашении самостоятельной Северокавказской республики и совместной борьбе с большевизмом⁴¹. Несмотря на протесты русского офицерства, главноначальствующий дал согласие на отстранение российской администрации от власти в крае и издал приказ о «прекращении всяких наступательных действий против горцев в Дагестане»⁴².

Халилов, чья судьба оставалась весьма туманной, начал переговоры с руководителями находившегося в Тбилиси Союзного меджлиса горских народов Кавказа. Речь шла о заключении союзного договора и провозглашении независимости Дагестана при поддержке правительств стран Закавказья⁴³. Однако время для политических комбинаций уже было упущено. Во второй половине марта Красная армия вошла в Дагестан⁴⁴. Белогвардейское командование приняло решение об эвакуации: войска совершенно разложились, и подавляющая часть солдат и офицеров не желала больше воевать. 25 марта пал Дербент, 27 марта — Темир-Хан-Шура. 30 марта партизаны и красноармейцы вошли в Порт-Петровск, остатки белогвардейцев эвакуировались морем в Азербайджан и Персию⁴⁵. В Дагестане была установлена советская власть.

Итак, лидеры «Белого Юга» во главе с генералом Деникиным рассматривали Дагестан в качестве неотъемлемой части единой и неделимой России и были полны решимости интегрировать этот регион в российское пространство. Вследствие благоприятных условий (слабость горского правительства, разгром РККА на Северном Кавказе, благожелательный нейтралитет Антанты) подразделения ВСЮР быстро и беспрепятственно заняли территорию равнинного Дагестана во второй половине мая 1919 г. Однако белые, понимая, что реставрировать дореволюционные порядки невозможно, пошли на компромисс с дагестанской элитой и, стремясь привлечь её на свою сторону, предоставили области широкую автономию. Деникинцы обещали невмешательство в её внутренние дела, гарантировали права и преимущества ислама и мусульманского духовенства, не возражали против введения шариата в судопроизводство. На высшие посты в областной и окружной администрациях назначались местные уроженцы. Более того, автономный Дагестан мог иметь собственные вооружённые силы, находившиеся в подчинении у правителя области. Однако уже в июле 1919 г. в горах вспыхнуло антибелогвардейское восстание, а в конце августа началось новое, гораздо более мощное, которое власти так и не смогли подавить.

Почему же в Дагестане стали возможными острый политический кризис и неприятие белой власти значительной частью горцев? Уже находясь в эмиграции, Деникин выделял внутренние и внешние причины дестабилизации обстановки в области. К внутренним он относил тяжёлое экономическое положение горцев, «темноту масс», воинствующий панисламизм, «деятельность местных фанатиков и авантюристов» из числа шейхов и мулл, толкавших горцев на

⁴¹ ГА РФ, ф. 5911, оп. 1, д. 1г, л. 10—15.

⁴² Там же, ф. 5827, оп. 1, д. 215, л. 1.

⁴³ *Эмиров Н.П.* Из истории военной интервенции... С. 201.

⁴⁴ *Кашкаев Б.О.* Гражданская война в Дагестане... С. 258.

⁴⁵ *Кашкаев Б.О., Эмиров Н.П., Гаджиев А.С., Аликберов Г.А.* Указ. соч. С. 452.

войну. Кроме того, генерал признавал, что несправедливость, поборы местной администрации, насилия, чинимые войсками в отношении мирного населения, также толкали горцев в лагерь противников «Белой России».

Однако решающую роль, по мысли главкома ВСЮР, сыграл именно внешний фактор, к которому он относил подрывную деятельность Союзного меджлиса, пантюркистских организаций, а также азербайджанского и грузинского правительств, снабжавших восставших денежными средствами, вооружением, боеприпасами, направлявших инструкторов и предоставлявших повстанцам убежище на своей территории. Финансовую и материально-техническую помощь сражавшимся против Деникина горцам оказывала и Советская Россия, руководство которой было жизненно заинтересовано в развале белогвардейского тыла. В свою очередь, по словам Деникина, «перманентные восстания не давали возможности перейти к мирным методам сожительства и устранить опасное и тяжёлое вмешательство регулярных войск в жизнь Чечни и Дагестана»⁴⁶. Деникину вторил другой эмигрант — бывший начальник штаба войск Северного Кавказа генерал-майор Е.В. Масловский, отмечавший, что все восстания разжигали эмиссары большевиков, турок, Азербайджана и главным образом Грузии.

Однако представляется, что дело было не только в этом. Белые допустили несколько серьёзных ошибок, которые привели к росту недовольства местного населения: возвращение помещичьих земель и выплата землевладельцам компенсаций за счёт крестьян; постоянные реквизиции и поборы с местных жителей, сопровождавшиеся многочисленными злоупотреблениями; наконец, насильственная мобилизация горцев в ряды ВСЮР, ставшая «спусковым крючком» для августовского восстания. Вследствие последнего не удалось провести Вседагестанский съезд народных представителей и окружные съезды, в результате в регионе сохранилась военная диктатура белогвардейского командования и сотрудничавшего с ним генерала Халилова. Реальная власть осталась в руках военных, многие из которых ассоциировались с царским самодержавием. Репрессивные меры белогвардейского командования лишь ожесточили местное население, сведя на нет авторитет власти⁴⁷.

У белых и горцев, отмечал А.С. Пученков, изначально были разные представления о государственности и путях дальнейшего развития Северного Кавказа. Деникинское командование почти не знало специфики обычаев и менталитета горских народов, а также систему ценностей и мировоззренческих стереотипов традиционного мусульманского общества. Горцы психологически не были готовы к тому, чтобы принять власть белых, ассоциируемую ими с самодержавием и их смертельным врагом — казачеством. Добровольцы так и не смогли найти надёжных и влиятельных союзников в регионе, так как недооценивали потенциал национально-религиозного движения, в то время как большевики смело пошли на союз со всеми враждебными Деникину социальными и политическими группами⁴⁸.

Потенциально белогвардейцы могли предоставить горцам возможность инкорпорации в государственную структуру возрождавшейся России на новых, взаимоприемлемых принципах. Однако белые не сумели воспользоваться благоприятной ситуацией, сложившейся в мае 1919 г. В итоге модель «белой

⁴⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Изд. 3. Кн. 3. Т. 4—5. М., 2015. С. 195, 660.

⁴⁷ Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1919 год... С. 189.

⁴⁸ Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина... С. 153, 156.

власти» в Дагестане базировалась на тех же началах, что и при самодержавии, а лидеры Белого движения не смогли предложить местным жителям приемлемого для них некоего «нового». Неумелая политика региональных властей в национальном и аграрном вопросах, неспособность навести элементарный порядок, а также ряд заведомо непопулярных решений привели к тому, что значительная часть населения области, придерживавшаяся различных политических убеждений, начала вооружённую борьбу против белых⁴⁹.

Правда, в начале 1920 г. белогвардейское руководство взяло верный курс на налаживание взаимоотношений с национал-демократами и влиятельными представителями мусульманского духовенства, оказавшимися в повстанческом лагере, стараясь изолировать большевиков и заключить компромиссное мирное соглашение с умеренной оппозицией. Вероятно, в конце концов им удалось бы добиться успеха, однако в марте 1920 г. Дагестан был занят регулярными частями Красной армии. Это и привело к окончательной потере региона для «Белой России».

⁴⁹ Лобанов В.Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны... С. 450—452.